

Нега поднялась из глубин навстречу свету, залила теплом и любовью сердце, Екатерина задрала голову и подмигнула солнцу. И впервые после смерти мамы поведала о своём житье-бытье.

– Сколько лет тебе, дитя?

– Шестьдесят.

– А ей?

– Лет сто было бы на сегодняшний день.

– Где ты сейчас?

– Здесь, с вами.

– А она?

– ...

Воздух затаился и не дышал. Екатерина подняла глаза. Не шелохнувшись, обернувшийся в слух, ссутулясь, сидел пожилой человек, автоматически поглаживая коробочку с вингретом. В их доверительную беседу вливалось солнце.

– Я все эти годы страстно хотела найти объяснение тому, что случилось, – расплакалась Катя, – мучительно искала ответ, желая, понять. У меня нет сил оправдать, и нет желания назначать себя судьёй.

– В тебе до сих пор кричит заплаканный ребёнок. За всё Господа благодарить надобно. Ты молись, детка, за обижающих тебя. А тайна навсегда останется тайной. Так правильно. Праведно. По-божески. Пути Господни неисповедимы. – Василий Венедиктович перекрестил Катю. – Ну-ка, закрой глаза, детка, и ладонь подставь. Не подглядывать! – озорник собрал Катины пальцы в кулак.

Катя почувствовала щекотное касание, и что-то маленькое в ладонном гнёздышке. «Всё-таки, решил денежку отдать», – подумала и услышала:

– Это секрет, детка. Пора мне, Боженька во Храме заждался, волнуется, поди, – поднимаясь, добавил, – Душа Софьи больше всего нуждается в твоём маленьком детском прощении во отпущении грехов, чтобы великое прощение и милосердие Божие привели её на небо для упокоения в мире Христовом. Улыбнись, детка!

Глядя вслед Божьему созданию, Катя почувствовала, что униженная крохотная девочка выпрямилась в ней, запрокинула голову, отняла руки от лица, развела их крылами и выпорхнула в небо. Пришло осознание. И в сердце воссиял свет! И до мозга костей её пронизало молитвенное прошение:

«...и приведи на Небо все души, особенно те, которые больше всего нуждаются в Твоём милосердии». Катерина раскрыла ладонь. Холодя кожу, на ней покоилась крупная жемчужная бусина.

Первое, что сделала Катя, вернувшись домой – отрезала «Пчёлкину» медовую улыбку. Ела, наслаждалась, смеялась и плакала от счастья, повторяя: «Улыбайся, детка!».

ПАВЕЛ ПОЛИЩУК

Кишинёв

КАДЫК НЬЮ-ЙОРКА

Когда нет диктофона под рукой,
Чтобы запомнить все слова и мысли,
А я сижу у моря, бьёт прибой,
У моря, из которого мы вышли
Полмиллиарда лет назад, в Палеозой,
Осознаю больною головой,
Как мало в жизни поводов для рифмы.
Ты изменилась, враг смирился, Бог молчит,
И даже смерть, упрямую, как плесень,
Не привлекает изумлённый вид
Моих гримас, стихов и грустных песен.

Мне нечего сказать: я не Эвклид,
 Пространство мне тебя не заменит,
 И мир материй мне не интересен.

Молотит шторм песок береговой,
 Тепло уходит, больше места грому,
 Растает и сменится вновь волной
 Вода, уткнувшись в пляж, качнув паромы.
 Я, увлечённый этою игрой,
 Всё же встаю и направляюсь к дому,
 И мне печально, что ты не со мной,
 Уже не так, как в прошлый выходной,
 А в десять раз сильнее и по-другому.

Вычисли радиус спасательного круга ада под третьим глазом,
 Выведи подводные камни преткновения из весенних почек.
 Разбитые 11 колен Израиля мусульманским йодом намазав,
 Учится языкам говяжьим на тот свет механический переводчик.

Погрузи необходимые вещи в сон лодки Харона, бомжа, дикобраза.
 Слышишь грозу? Это Тесла везёт калачи своих медных катушек
 Через варолиев мост гнилой пасти Адама, который наказан
 За то, что кадык Нью-Йорка счёл важнее, чем все наши души.

Отправляйся по Лете письмом, сыгравшим в почтовый ящик.
 Новый Альбион не Тартар, хоть и не манхэтонский Plaza,
 Отыщи в замке ключ Осириса, золотой, музыкальный, кипящий.
 Пей, как валидол, из него густую блестящую фразу.

Раз ум тебе дан, то не пренебрегай, но и не переоцени разум.
 Вычисли радиус круга кровообращения на электромагнитном поле.
 12 израненных колен Израиля будут склеены, как тосканская ваза.
 Извлекай подземные корни всех зол, выводя их на чистую воду.

Разомкнутое колесо сансары замени жёстким крылом херувима.
 Чтобы «вечность» сложить из слёз, подпевай про Младенца Герде.
 На белом камне, что найдёшь у реки, прочитай своё новое имя.
 И огромная восьмёрка свалится на бок, становясь датой твоей смерти.

Когда голодная земля проглотит солнце,
 Наступит ночь, наступит мне на шею.
 За горизонт свернётся флаг японцев,
 Осветит их, Австралию, Корею.

Когда темно, холодный космос близко,
 Часы стучат: Тик-так. Домой пора бы.
 Текут по небу звёзда, галактик брызги
 По траекториям гипербол и парабол.

Пространство с временем вступает в тайный сговор:
Они хотят отнять нас друг у друга
Безжалостно, как злой усталый повар
Разъединяет крупную белугу.

Оркестр птиц затих, остались совы,
Которые бубнят под треск сверчковый.
Закрывают двери, замкнуты засовы.
Никто не спросит: Где вы? С кем вы? Кто вы?

Лишь только темноте до нас есть дело,
Она и география в дуэте.
И мы сидим, не проронив ни слова,
Ведь свет важнее сотни слов о свете.

Мир настоящий с отражением едины.
Нет ничего! Деревья, воды, небо.
Все – чернота. Остались только спины,
Воображение, химеры и плацебо.

Не изумрудит мягким светом бронза,
Но ты не оставляй меня, красавица.
Когда голодная земля проглотит солнце,
Пускай проглотит, падла, и подавится!

Огромный пролом в твёрдом блестящем небе
Сквозит вселенским, космическим сквозняком.
Злой дух воды бил головой о гребень,
Гребень горы, который служил плечом,
Плечом Атланта, чаши небес опорой.
И вот злой дух опоры ту расколол,
Осколок мира обрушился в миг, в который
Гун-гун ударил о камень своим челом.
Треснит разбитый, лопнувший свод небесный,
Землю пробил, как рухнувший потолок.
Из-под земли хлынули воды бездны,
Могучие волны, бурный, седой поток.

А в это время корабль причалил к Криту,
Тесей взял факел и шагнул в лабиринт.
В сухом Египте бог Сет затаил обиду,
В далёкой Индии чистые воды Инд
Благословляют, шумно толясь, брахманы,
Скрестили лезвия Гектор и Ахиллес,
А Гильгамеш с Энкиду против Хумбабы
Идут бороться в тёмный кедровый лес.

Нюйва у реки в густой бамбуковой чаще,
Работает быстро, не покладая рук,
Она строит башню из панцирей черепаших,
Чтобы, поднявшись, заделать небесный круг.

Ей нужно расплавить камни пяти окрасок,
И взять их с собой туда, где горит заря,
Она драгоценности ищет с лихой гримасой,
Но камни все в ювелирном, а значит, зря...

Тантал сливает налево нектар амброзии,
«Free hugs» написал на картонке хитрый Мидас,
Тесей в лабиринте один, его здесь бросили,
А нить утащили на фабрики – ткать атлас.

В священные воды Инда текут помои,
И больше там не купаются мудрецы.
Бог Сет негодует: да что же это такое?
Его враг Гор сам совершил суицид.

В ручье отражаясь, снимает на фотокамеру,
Сверкая зубами, себя самого Нарцисс,
Но вдруг спокойный ручей разливается,
Нарцисс пузыри выдыхает и тонет, вниз
На дно, поток разливается по равнинам,
С корнями срывает леса, как сухую траву,
Течёт сквозь время и ударяется с силой
О небоскрёбы, крепость, шалаш, тюрьму.
Сметает с земли бары, ларёк сигаретный,
Кремль, Бастилию, Европарламент, Биг-Бен,
Дворец Ашшурбанипала, комнаты Петры,
Автовокзалы, храмы, валют обмен.
Волна накрывает святыне сады Вавилона,
В Греции мраморный Зевс, Посейдон и Аид
Крошатся в пыль, места Троянского боя
Уже под водой, как впрочем, и пирамид
Вершины, как крыши Тибетских храмов,
Которые так высоко в горах,
Что даже если ты до восхода рано
Выступишь путь, в дороге узришь закат.

Выгляни, мы проплываем над Эверестом!
Слышишь потопа безумный, могучий вой?
Всё под водой!
Но ты не пугайся, нас эта бездна
не тронет.
Ничто не важно, да будет тебе известно,
ничто кроме имени
Имя моё –
НОЙ!

Золотая монета с оттиском – «солнце»
Сползала в карман горизонта.
Так день расплачивался
за 8-9 часов отдыха,
С вступающей на смену ночью.

Облака потёртой джинсой рвались
И клочками валялись нам на головы,
Пропадали в темноте.
Неведомый Бог опускал чайный пакет
в жидкий космос,
И с каждым разом небо становилось всё темнее,
Как заваривающийся
чёрный и терпкий чай.
Смотреть сквозь него –
Как пытаться смотреть сквозь веки.
Хотя, может быть, только это имеет смысл,
Так как теперь каждый шорох – это
Удар торовского молота,
И бледная свеча в далёком окне
Ярче десяти сияний гелиосовской колесницы.

Мокрый асфальт – ржавое полотно металла,
Лужи блестят, как после наждачки.
Капель дождя на земаю упало немало,
Стирают серые облака
неаккуратные небесные прачки.
Отбиваю с подошв ржавчину,
что прилипает и прилипла.
Дорога вибрирует эхом машинных сигналов.
Нелепый мир, спитый по левым лекалам,
И я – нелепый. В него одетый,
Как после маскарадного бала,
Бреду по чужим улицам
в поисках автовокзала.
За спиной рюкзак, там тёплый свитер и книга.
Как маракас, с каждым шагом звучит «Тик-так».
Осталось полпачки.
На столбах
объявления: реклама фильма
про монголо-татарское иго.
Кот прошмыгнул в подъезд.
Мну зубами безвкусный кусок жвачки.
Дома и дороги одинаковые, как копинаста.
От этого усталый глаз
говорит: «Всё, баста!»
И тело подтверждает: «Баста!»
Я пас!
Больше ни шагу.
Собираюсь упасть.
Подхожу к оврагу.
Глубоко вдыхаю осеннюю влагу
И вдруг
вспоминаю
о нас.